

СЕРИЯ «ДЕТЕКТИВ*КА»

18+

ОХОТА

МАКСИМ СОНИН

ДЕТЕКТИВ*КА

Максим Сонин

Охота

«Popcorn books»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Сонин М. К.

Охота / М. К. Сонин — «Popcorn books»,
2021 — (ДЕТЕКТИВ*КА)

ISBN 978-5-6046530-7-4

В Санкт-Петербурге произошло таинственное убийство – неизвестный с топором появился словно из ниоткуда и убил журналиста. Мишка вместе с соседкой Верой едет в Питер, где, сотрудничая с полицией, пытается выйти на след убийцы. Кто он такой? Как ему удастся незаметно передвигаться по городу? И при чем тут наркотик «Двоица», с которым детективка столкнулась в Москве? Мишке вновь предстоит раскрыть изощренное преступление, однако в этот раз опасность угрожает не только ее жизни. «Охота» – вторая часть детективной трилогии Максима Сонины о шестнадцатилетней детективке Мишке Мироновой.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6046530-7-4

© Сонин М. К., 2021

© Popcorn books, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Максим Сонин

Охота

© Максим Сонин, 2021

© Издание, оформление.

Popcorn Books, 2021

Cover Art © 2021 by Dan Funderburgh

Пролог

К Северной столице подбиралась зима. Медленно, каждый день будто делая шаг назад, а потом за ночь наверстывая и наступая снова. Утром еще шел дождь, а к вечеру под ногами уже хрустело. Одинокие прохожие ежились, старались свернуть с набережной в переулки.

Журналист не замечал холода. Он шел уверенно, подставив лицо ветру, а в одном месте даже попробовал забраться на парапет. Это был молодой полный парень – забраться на парапет у него не вышло, и он пошел дальше, покачивая головой в такт музыке в наушниках.

Встречные поглядывали на Журналиста неодобрительно. Его улыбка, ясный взгляд и плавные движения плохо сочетались с серым, рваным небом, невнятной корочкой на лужах и мелкими волнами, пробегающими то и дело по каналу. Журналист замечал эти взгляды, но трактовал их как зависть – он чувствовал себя гораздо выше всех этих людей.

Так бывало каждый раз, когда ему удавалось заглянуть под реальность: под скучные новостные заголовки, под однообразные ленты инстаграма и фейсбука, под рябящие фотосеты с заседаний судов и одиночных пикетов. Журналист иногда вдруг оказывался за кулисами спектакля, в котором играли все встречавшиеся ему люди и в котором он и сам часто принимал участие. А за кулисами Россия выглядела иначе.

Журналист не был конспирологом, он хорошо видел, что то, что принято считать «заговорами», – всего лишь рябь и часть спектакля. Какие-то законопроекты, какие-то отравления политиков, какие-то активистки, какие-то пожары и свалки – это все была игра, необходимая для того, чтобы занять обывателей. Журналист же не был обывателем – он даже не платил налоги, что уж говорить о таких обывательских вещах, как просмотр телевизора, чтение газет или рассуждение о том, каким именно образом новый законопроект о домашнем насилии ограничит права свободных граждан России.

Журналист не знал, что подобным образом думали о себе многие встречные ему обыватели. Все они чувствовали себя техниками сцены, отвечающими за поддержание чистоты сидений в зале огромного цирка. Рядом шло какое-то представление, причем шло уже очень долго, и на представление смотрели только «обыватели», а Журналист или любой другой прохожий с набережной, конечно, не смотрел на сцену, а просто занимался своим делом и шел мимо.

Но, хотя Журналист по своему внутреннему устройству был очень похож на встречаемых ему прохожих, нельзя было сказать, что он ничем от них не отличался. Во-первых, он и вправду был весел и чувствовал себя превосходно. Ему нравился холодный ветер, и близкая вода, по которой вдруг расползались черные змейки, и музыка в наушниках, и некоторые встречные девушки, прикрывающиеся от ветра тонкими куртками. А во-вторых, Журналист, в отличие от прохожих, был не один.

В нескольких метрах за ним шел человек в черном пальто. Журналист его не замечал, хотя этот человек наверняка бы его заинтересовал. Во-первых, потому что на шее у незнакомца, под капюшоном и шарфом, была набита необычная татуировка – черный заштрихованный круг. Эта татуировка очень походила на рисунок, который висел у Журналиста над рабочим столом в домашнем кабинете.

Кроме того, человек следовал за Журналистом уже довольно давно – по бульвару, через парк и потом по набережной. Маршрут это был случайный, выбранный Журналистом по наитию, и вряд ли могло так случиться, что одинаковое наитие сразу навестило двух разных людей, связанных одинаковыми рисунками.

Лицо человека с татуировкой было скрыто капюшоном, так что в свете фонарей только иногда были видны его обветренные ярко-красные губы и небритые щеки. Его левую щеку пересекал кусок медицинского пластыря, оторванного рукой, что было видно по свисающему вниз белому уголку.

Шею человека с татуировкой скрывал шарф – черный, вязаный и очень старый. В шарфе даже в сумерках были видны дыры и неровности, как будто от неудачной стирки. Один конец шарфа тянулся по ветру, а другой был заткнут под свитер и как будто соединял сердце человека с холодным воздухом.

Свитер тоже был старый, и вообще вся одежда человека с татуировкой, если не считать пальто, была не просто старой, а будто бы ветхой, как слоистая оболочка опустевшего улья. Казалось, еще один порыв ветра, неудачный шаг в сторону, и одежду по нитке сдует к каналу. Сложно было представить, что эти дырявые, практически прозрачные от старости вещи могут согревать.

Но человеку с татуировкой было тепло. Он не ощущал холодного воздуха вокруг или узелков на истончившихся нитях свитера и замерших капель на завернутых серых носках. Все его тактильное внимание было обращено к собственному телу: к порезу на щеке, к кровоточащим губам, к саднящей спине, к сломанному в детстве и плохо сросшемуся ребру прямо над сердцем, к фиолетовым синякам на коленях и вывернутому мизинцу. Разглядывая спину Журналиста, человек думал о том, как кровь бежит по его собственным венам, как сокращаются мышцы сердца, надуваются и сжимаются легкие. Он проводил языком по сколотым зубам и чувствовал вкус крови.

Журналист дошел до моста и, лениво поглядев по сторонам, пошел вверх по неровному асфальту. Человек с татуировкой замер и тоже огляделся. Его взгляд проскользнул по улице, на мгновение задержался на спине единственного прохожего – тот быстро уходил в сторону собора, разбрасывая по асфальту искры с сигареты. Человек с татуировкой облизнул губы и опустил левую руку, которая до этого была скрыта под полрой пальто.

В руке блеснул стальной топорик. Чуть зазубренное от частого использования лезвие выросло прямо из обмотанной бумажным скотчем рукояти. На сегодняшнем холоде металлическая рукоять должна была обжигать руку, но человек с татуировкой давно привык к тому, что кожа на ладони стерта и кровоточит, как будто он только что отнял ее от раскаленного банного котла.

Журналист уже дошел до середины моста, когда человек с татуировкой догнал его и ударил топором по левой лопатке. Топор человек с татуировкой тут же вырвал и опустил снова, выше и правее, стараясь перерубить артерию на шее. Журналист захлебнулся криком и повалился на асфальт. Человек склонился над ним и ударил его еще раз: сначала по руке – так, что по обледенелому мосту поскакали отрубленные пальцы, потом снова по шее – так, что хрустнули позвонки. Последним ударом человек пробил Журналисту спину чуть выше ремня.

Отрубленные пальцы смахнул в воду, а на их место, к окровавленной ладони, кинул черный браслет. Потом выпрямился, огляделся. Убийства никто не видел. Тогда человек с татуировкой спрятал топор под пальто, убедился, что проволока рукояти крепко врезается в кожу и не развяжется. Подошел к перилам, примерился и одним рывком перебросил через них свое тело.

Вода была ледяная и мгновенно пропитала одежду. Человек поплыл к поверхности, пробил ее лицом, глотая грязную воду. Если бы не проволока и не пропитанные клеем нити, человек вряд ли сохранил бы свитер и шарф. Тело стало очень тяжелым, его потянуло вниз. Человек поглубже вдохнул морозный воздух и скрылся под водой.

Глава первая

Было уже без пяти шесть, а «Сапсан» все не шел. Возможно, еще не проснувшийся вокзал не хотел его отпускать, а может быть, часы на перроне спешили – Вера еще раз посмотрела на разряженный телефон, потом на свою соседку. Соседка – и по «Сапсану», и по московской квартире – сонно шурилась, пытаясь рассмотреть полноватое лицо на размытой фотографии в инстаграме. Вера успела хотя бы поспать в такси, а вот соседка, с тех пор как около полуночи зазвонил телефон, не сомкнула глаз. Она хотела до Питера успеть перебрать социальные сети убитого и выработать план действий по прибытии в город.

В правой руке соседка сжимала пакетик с сухариками, который иногда механически сдвигала в сторону Веры. Вера уже привыкла, что во время расследований соседка теряет некоторые коммуникативные качества, и поэтому не обижалась.

Она взяла из протянутого пакетика сухарик, потом сразу же кинула его обратно. Есть ей не хотелось, и, в отличие от соседки, от еды ее только больше клонило в сон. А спать Вера не собиралась, потому что ей было очень важно поучаствовать в расследовании. Впервые соседка позвала ее с собой – и только потому, что Вера хорошо знала Питер.

«Сапсан» дернулся и поплыл мимо одинокого полицейского, который отвернулся и сплюнул на кирпичную стену. Вера зажмурилась, надавила пальцами на глазные яблоки, открыла глаза – но сонливость не прошла, а наоборот, свет в вагоне стал слишком ярким, и сразу захотелось снова закрыть глаза. В металлической фляге в рюкзаке плескался растворимый кофе, который Вера заварила еще вчера днем, но его нужно было приберечь для соседки, которая не спала уже больше тридцати часов.

Вера ущипнула себя за щеку, потрясла головой, потом повернулась к соседке, осторожно тронула за плечо.

– Чего? – Соседка оторвала взгляд от телефона.

– Давай я посмотрю, а ты поспишь, – сказала Вера. – Что нужно делать?

Соседка моргнула, потом посмотрела на телефон.

– Я сама, – сказала она наконец, – тут много читать нужно.

Она широко зевнула и поплотнее укуталась в свою красную жилетку, сделавшись похожей на кубик динамита. Вера осторожно погладила ее по плечу, потом снова повернулась к окну. Москва медленно ползла мимо, все набирая и набирая скорость. Вера закрыла глаза и мгновенно уснула.

Ева выбежала встречать машину. Тяжелый грузовик перевалил через холм и осторожно втиснулся между двух сосен. От молельни к нему шли мужики, но им оставалось еще минут пять шагания, а Ева была уже тут как тут. Она встала у колеса и, когда Юлик распахнул дверцу и спустился на землю из кабины, сразу бросилась ему на руки.

Брат охнул, поднял Еву, закружил. Сзади к ним уже подошли мужики, но день сегодня был добрый, все улыбались.

– Все, Евка. – Юлик опустил девочку на землю. – Беги давай. Нам разгружаться надо.

Ева отбежала к дому, но там остановилась, села на землю. Школы сегодня не было, а по кухне она помогла еще утром, перемыла всю посуду, только чтобы тут посидеть, когда привезут трансфер. Юлик в Обитель приезжал редко, раз в месяц, и, хотя поговорить с ним особенно было нельзя, можно было хотя бы на него посмотреть.

За Юликом Ева следила по делу. В сентябре, когда в Москве погибла Евина сестра Соня, брат Юлик отвел Еву в сторону и тихо-тихо сказал ей на ухо, что сестра ее не погибла и обязательно к ней приедет. Ева принялась его расспрашивать, а он сделал глупое лицо и замолчал.

Потом он уехал и с тех пор был в Обители до сегодняшнего дня всего однажды – и в последний раз никаких новостей не привез и с Евой не разговаривал, так что теперь она ждала от него обязательного письма. Не зря она все-таки молилась каждую ночь, причем не одной молитвой, а тремя. Во-первых, о здоровье сестры, во-вторых, о прощении себе и сестре, а в-третьих, о доброй дороге, чтобы сестра смогла выбраться из Москвы и доехать до Обители.

Мужики уже вытащили из грузовика ящики и стали по одному относить их к молельне. Ящики были большие, каждый полагалось нести вчетвером. Ева засмеялась, заметив, как мужики похожи на муравьев – колодец, который был посередине двора, они обходили слева, когда шли к молельне, и справа, когда возвращались к грузовику. Обходили с запасом, так, чтобы не коснуться колодца даже полрой рубашки, – и это было понятно. Ева и сама обходила его стороной, потому что там, на дне, помещался злой человек.

– Евка! – позвал Еву кто-то, и она сразу обернулась. У другого угла дома, на краю леса, стоял мальчик в грязной рубашке. Он рукой показывал, чтобы Ева шла за ним.

– Не могу. – Ева махнула пальцами перед лицом, потом указала мальчику на рубашку. – Умойся!

Мальчик скривился, показал язык, а потом провел рукой себе по голове, вытянув вверх указательный палец. Это означало, что Ева коза и у черта на побегушках. Мальчик шутил, и Ева ответила ему тем же – тоже изобразила единственный рог (не показывать же настоящего черта с двумя), а потом еще махнула рукой по земле, чтобы знал, как его прах разметают. Мальчик рассмеялся и исчез за домом, а Ева повернулась обратно к мужикам, которые уже несли к молельне последний ящик.

Юлик мужикам не помогал – его поставили водить грузовик, потому что ему нельзя было носить тяжести, и, пока мужики таскали ящики, Юлик разговаривал с женой. Ева и не заметила, как та появилась из дома и прошла к грузовику. Вроде мгновение назад ее не было, и вот уже у колеса стоит маленькая фигурка в белой одежде.

Жена у Юлика была злая, и Ева ее не любила, поэтому пока от грузовика отвернулась, посмотрела на молельню. Оттуда как раз вышел отец.

На свету он появлялся редко. Встал на крыльце, задрал голову на крест молельни, перекрестился, потом еще наложил знак на колодец и только после этого сошел со ступенек. Еве отсюда было не слышно, но он, видимо, что-то сказал мужикам. Они взяли один из ящиков и понесли мимо дома, к мастерской.

Юлик тем временем договорил с женой и пошел к отцу, который так и остался стоять у крыльца. Ева медленно последовала за ним по краю дома, надеясь, что отец ее не заметит. Он не любил, когда дети играли тут, а не в лесу, и мог наказать или отправить в мастерскую, а Еве перемытой утром посуды хватило за глаза.

Уже у самой молельни она поймала на себе строгий взгляд, но тут к отцу подошел Юлик, и Ева поскорее шмыгнула в щель между стеной дома и углом крыльца. Там она протиснулась между двух досок и оказалась под ступенями, так что сверху, сквозь дырочку от сучка, стал виден подбородок Юлика и рука отца.

О чем отец говорил с Юликом, Ева не слушала. Вместо этого она пыталась понять – зажата у Юлика в кулаке какая-то записка или сюрприз. Через дырочку в доске его пальцев видно не было. Тогда Ева выбралась из-под крыльца, но прошла за домом, чтобы не попадаться на глаза отцу.

Она шла по краю леса, собираясь обогнуть дом и спрятаться у грузовика. Юлик обязательно должен был вернуться к машине, и, если ей повезет, он мог вернуться один, а тогда с ним можно будет поговорить.

Мальчик появился перед Евой из ниоткуда. Он снова показал на нее, изобразил однорогого черта, а потом – на лес и провел рукой по плечу, при этом сгибаясь в пояс.

– Баба сейчас будет рассказывать сказку, – сказал он, – у костра.

Для костра было еще рано, но иногда, если из города приезжал грузовик, костер развостыли засветло. Ева помотала головой, стукнула кулаком о ладонь.

– Я не могу, – сказала она. – Я занята.

Мальчик покачал головой. Он был прав – сказки пропускать не полагалось. Ева вздохнула и пошла за ним следом, на ходу пытаясь разглядеть, не вернулся ли Юлик к машине. Юлик не вернулся. Оставалось надеяться, что он заночует и можно будет застать его к ночи или утром. Ева произнесла быструю молитву и осенила себя крестом, хотя вне дома или молельни делать этого детям было нельзя. Нехорошо. Мальчик обернулся, посмотрел на нее подозрительно, но ничего не сказал. Он и сам иногда крестился, когда шел в лес – так там бывало темно.

У костра собрались уже почти все дети, и Ева еле нашла себе место – села напротив Бабы на неудобный корень поваленного дерева. Так, может, было и лучше, потому что Баба Еву пугала. Это была страшная, очень худая женщина с вечными синяками под глазами. Ходила она сама с трудом, и до костра ей всегда помогали добраться старшие мальчики. Сейчас двое сидели рядом с ней, подпирая ее плечи и спину.

Баба говорила тихо, так что всем нужно было молчать, чтобы ее услышать.

– Знаете сказку про Кощея Бессмертного? – спросила Баба. Старшие дети закивали, младшие покачали головами. Ева слышала уже эту сказку и тоже кивнула. Баба вдруг подняла на нее взгляд, наклонила голову и отвесила челюсть так, что по подбородку стекла капля слюны. Это означало, что Баба Еве не верит. Ева замотала головой, надеясь, что Баба не станет ее расспрашивать.

– Где живет Кощей? – спросила Баба. Она все еще смотрела на Еву и все еще отвешивала челюсть, так что слова у нее выходили шепеляво, как будто сквозь щель в камнях.

– За горами, – сказала Ева и, чуть помедлив, добавила: – За долами, за реками.

Баба сглотнула слюну, чуть прикрыла глаза.

– Не знаешь, – сказала она, – маленькая еще. А Кощей среди нас живет. Кощей в бадье, бадья на веревке, веревка в колодце, а колодец между домов, под крестом.

Ева сразу поняла, про какой колодец говорит Баба, и содрогнулась.

– А я видела, как его туда запихивали, – сказала девочка, сидевшая у Бабиных ног. Другие дети согласно закивали.

– Что вы видели? – спросила Баба. – Вы видели, как Кощея кормят. А сидит он в колодце сто лет и еще сто. У него дыхание ледяное, а пальцы длинные и костяные, царапают стены, а на ногах у него копытца, как у черта, только рог у него один, на подбородке, словно бороденка.

Она покачнулась и стала говорить живее, уже как сказку.

– Давным-давно жил молодец. – Баба мотнула головой на одного из своих помощников. – Лицо красное как солнышко, грудь широкая, как поле, а голос низкий, как море. И пошел молодец по свету искать себе невесту. Хотел найти самую красивую, самую премудрую. Дошел до края земли и увидел девушку, красавицу небесную. Вот только не достать до нее – за самым краем земли была девушка. Молодец прутком ее захватить пытался, лозой пытался, не вышло. Тогда снова пошел по свету, искать помощника. Пришел к колодцу. У колодца камень, на камне написано: не слушай колодца, не лей в него воду. Молодец подошел осторожно, заглянул в колодец, а там темно. Молодец через край свесился и видит: далеко внизу та самая девушка, красавица, будто спит. Молодец словно потянулся к ней, а его темнота за руку хватает. И раздается голос: здравствуй, добрый молодец. За невестой пришел? Всю землю обыскал? Молодец соглашается. А что же, – голос спрашивает, – готов ты за невесту отдать? А у молодца, кроме головы, ничего не было. Голову, – сказал, – за такую красу отдам. Не нужна мне твоя голова, – отвечает колодец, – только отдай мне своего первенца. Согласился молодец, и тут же из колодца девушка вышла. Молодец срубил избу, стали жить вместе. А когда родился у молодца с девушкой первенец, жена сказала: и что, ты своего ребенка в колодец бросишь? Молодец пошел к

колодцу, глянул внутрь и решил не бросать туда первенца, испугался за малыша. Стали жить дальше. Рос ребенок, такой же молодец, как отец, даже больше. И когда уже подросток, захотелось ему тоже красивую невесту найти. Он знал, что отец невесту у колодца выпросил, поэтому пошел сам к колодцу, заглянул внутрь. Здравствуй, добрый молодец, – сказала темнота из колодца, – за невестой пришел? Кивнул молодец. А замани ко мне своих родителей, будет тебе невеста, – сказал колодец. Молодец заманил своих родителей к колодцу, толкнул их внутрь. Из темноты раздались крики, кровь из колодца потекла. Молодец внутрь заглянул, а там, на самом дне, сидит козлоногий старик с рогом на подбородке и мясо ест. Длинными руками рвет ноги и руки и в рот запихивает. Молодец увидел, что это его родители. А старик поднимает к нему лицо, в котором сто зубов, и спрашивает: что, добрый молодец? Невесту хочешь? Молодец кивает. А старик ему: забирай! И кидает кость с мясом. Кость в темноте перевернулась, обернулась красивой девушкой. Молодец на ней женился, и стали жить в родительской избе у самого колодца.

Баба замолчала. Глаза у нее были закрыты, а челюсть повисла еще ниже, и теперь с нее текло, как с ложки. Дети стали по одному подниматься и уходить. Ева тоже слезла со своих корней и пошла обратно к домам. Ей очень хотелось снова посмотреть на колодец.

Когда дети ушли, Сима еще долго смотрела на костер. Оставлять его непотушенным в лесу, даже осеннем, было опасно. Лопались и стреляли искрами толстые сосновые бревна, рассыпались красные угли. Панцирь коры, за которым наблюдала Сима, с треском раскололся и исчез между двух бревен. Она придвинулась поближе к костру, и оба мальчика, которые остались рядом, чтобы помочь ей вернуться в деревню, дернулись следом. Сима осторожно погладила правого по волосам, оперлась о его плечо. Чтобы не пугать мальчиков, которые старались не смотреть ей в лицо, поправила рукой подбородок, наклонила голову так, чтобы челюсть не свисала. Сглотнула и выдохнула тихо, чтобы мальчики не услышали. Когда они еще не родились, она часто кричала от боли – тогда челюсть еще не до конца срослась, и каждый вдох она ощущала как укол гвоздем под ухо. Она научилась кричать, не двигая ртом, не напрягая горло, – высоким, протяжным визгом. Теперь же боль в челюсти была тупая и привычная. Иногда она отступала совсем, и тогда Сима думала, что скоро умрет. Потом боль возвращалась, и Сима жила дальше.

Один из мальчиков вздрогнул, и Сима поняла, что слишком крепко сжала его плечо. Сила у нее осталась только в руках – а точнее, в пальцах. Сами руки уже почти не поднимались, плохо сгибались в локтях. Но пальцами Сима когда-то играла на фортепьяно, а потом отмеривала химикаты в домашней лаборатории. Фортепьяно она не видела лет двадцать, а в лаборатории, которая теперь называлась мастерской, была в последний раз больше года назад – и то заходила всего на минуту, потому что хотела сама взять со стола таблетки. Но пальцы как будто все время готовились к тому, что снова придется работать, – Сима знала, что у мальчика на плече останутся синяки.

Она мотнула головой, показывая, что пора подниматься. Костер еще тлел, но у одного из мальчиков с собой была бутылка, и когда Сима показала, что надо идти, он тут же встал и начал заливать костер.

– Акся, – Сима указала на отлетевшую от костра ветку, – там еще.

Снова мотнула головой, поправляя челюсть. Она могла бы повязать голову платком, и челюсть бы всегда держалась на месте, но тогда она не смогла бы говорить, а говорить Симе нравилось.

Мальчик послушно затушил ветку, потом вернулся к Симе и подставил плечо. Вторым мальчик тоже поднялся, и вместе они поставили Симу на ноги.

– Моленья, – сказала Сима, откидывая голову назад. Держать ее прямо было трудно, если она стояла и не могла нормально опереться обо что-нибудь. Из-за откинутой челюсти

буква «М» у Симы совсем не звучала, но мальчики ее поняли и осторожно повели в сторону домов.

Когда Баба его отпустила, Акся сразу побежал на кухню. Он провел с Бабой почти весь день и еще ничего не ел. Баба сама никогда не ела и своим помощникам есть не давала – ей не нравилось, как двигались и толкали ее их плечи, если они что-то жевали.

На кухне было шумно. Старшие сестры домывали посуду, и Акся сразу увидел, что чан из-под каши уже блестит на столе для сушки – это означало, что остатки еды из него скинули в колодец.

Нужно было просить сестер, которые всегда что-нибудь прятали себе с обеда. Акся искал глазами Злату, самую добрую из сестер, но Златы на кухне не было. Раньше, когда Акся был помладше, он легко мог поплакать и выпросить что-нибудь у старших, но теперь сестры на его слезы не велись и называли волчонком.

На волчонка Акся был не похож. Круглолицый, весь в отца, с большими красными щеками, голубыми глазами и светлыми волосами, по которым сразу было ясно, какая из сестер его родила. У Златы были точно такие же глаза, волосы и даже щеки.

– Чего пришел? – спросила толстая сестра, оттиравшая металлическую тарелку. – Отмыли все.

Акся потупился, понадеялся все-таки на жалость.

– Ступай. – Сестра махнула на него рукой, потом сжала кулак, указала в угол, где валялась палка с тряпкой. – Или пол три.

Акся отступил назад, потом опрометью кинулся из кухни. От хождения с Бабой плечи у него устали, и он думал, что палку просто не удержит, а браться за дело, которое сделать не можешь, было нехорошо.

На улице Акся осторожно, незаметно крестя сердце, подошел к колодцу. Солнце зашло за тучи, и разглядеть ничего в колодце было нельзя, но он надеялся, что когда сестры вычищали чан, то что-нибудь уронили на землю или на каменную кладку. В трещинах одного из камней кладки было что-то белое – Акся выскреб белое пальцем, осторожно облизнул. Оказалось – каша. Снова забрался под камень пальцем, вытянул еще.

– Кто здесь? – тихо позвал колодец.

Акся застыл с пальцем во рту.

– Эй. – В колодце, на самом дне, что-то хлюпало и двигалось, как будто пробудилось огромное болото. Акся сделал шаг от колодца, потом еще один. Потом он развернулся и побежал.

Глава вторая

Тело уже увезли, но мост все еще был перетянут желтой лентой. Полицейские толпились на левом спуске, ждали указаний от старшего, который как раз закончил осматривать место преступления. Старшему было холодно, ходил по мосту он медленно, стараясь не смотреть на белеющее небо.

– Пропустите. – Под желтую ленту нырнула девушка в красной жилетке. Ей почти не пришлось нагибаться, потому что ростом она еле дотягивала до середины тумбы, которой заканчивались перила моста. Полицейские заоборачивались, один, молодой мужчина с усами щеткой, поспешил к девушке. – Показывайте. – Девушка пожалла полицейскому руку, покачала головой, заметив его лицевую растительность.

Полицейский смущенно подвел ее к старшему.

– Мириам Борисовна. – Она протянула руку начальственному полицейскому, который посмотрел на нее с явным подозрением. Если бы ему только что не позвонил высокопоставленный московский коллега, он бы ни за что не пустил на место преступления ребенка. Он все же пожал девушке руку и сделал шаг в сторону, давая ей пройти к перилам и замерзшей луже крови.

– Лежал вот так, раскинув руки, головой к краю, – принялся объяснять усатый. – Пальцы на правой руке обрублены, судя по следам – упали в воду.

Девушка огляделась, поняла, что камер вокруг моста нет, и стала разглядывать перила.

– Куда ушел убийца? – спросила она, осторожно свешиваясь через них.

– Не знаем, – сказал усатый. – Тут все обледелено, следов нет.

– Он бы капал, – сказала девушка. – Он же, наверное, весь в крови был.

– Кровь бы замерзла, – влез в разговор старший. – Он постоял немного над трупом, потом пошел не спеша, думаю, туда.

Он указал на левый спуск с моста.

– Почему туда? – Девушка подтянулась и мягко перебралась на другую сторону перил.

Усатый полицейский бросился к ней, а старший покачал головой и решил, что сейчас ее выгонит. Он обещал разрешить осмотреть место преступления, но не устраивать тут цирк.

– Убийца спрыгнул в воду, – сказала девушка, доставая телефон.

Правой рукой она крепко держалась за перила, но усатого это явно не устраивало. Он протянул руку и взял ее за ворот жилетки. Девушка чуть вывернулась, поднесла телефон к перилам. Старший подошел ближе, осторожно обходя лужу крови.

– Смотрите. – Девушка включила в телефоне фронтальную камеру. – Кровь, в двух местах.

Она была права. На внешней стороне перил были видны красноватые отпечатки пальцев. Старший махнул полицейским, подозвал одного. Находка не оправдывала предположение девушки о том, как убийца ушел с моста, но отпечатки пальцев были ценной уликой.

– Почему ты думаешь, что убийца прыгнул в воду? – спросил усатый.

– Во-первых, – девушка перебралась обратно на мост, – зачем иначе убивать журналиста на мосту? Убийство не короткое, методичное, любая публичность – дополнительный риск. Во-вторых, кровь. Он и вправду должен был быть весь в крови. И что, шел бы так по улице?

– Мишка... – Усатый покачал головой. – Вода ледяная.

– Я загулила, – сказала Мишка. – Холодная, но не ледяная. При некотором опыте или, например, в гидрокостюме плавать вполне можно.

Мишка подошла к старшему, который как раз объяснял эксперту, что нужно снять отпечатки с перил.

– Если у вас будет время и возможность, – сказала Мишка, – посмотрите камеры там, где есть спуск к воде дальше по каналу. Вероятность маленькая, но вдруг там что-нибудь видно? Старший устало кивнул, отвернулся. Ему было не до этого.

Мишка встала у перил и задумчиво открыла в телефоне фотографию Журналиста. Не ту, которую ночью прислал дядя Сережа, а селфи из инстаграма недельной давности. Расследование уже примерно наметилось, и теперь Мишке нужно было настроиться на работу.

Журналисту было двадцать семь лет, но выглядел он моложе из-за пухлых щек, несерьезной бороды и веселой улыбки, в которую его лицо растягивалось практически на каждой фотографии. У него было много друзей, но не было видимого постоянного романтического партнера. Жил Журналист один, в двухкомнатной квартире – на нескольких фотографиях Мишка определила его домашний офис. Офисом Журналист явно гордился. Это была небольшая комната со столом, поставленным не совсем обычным образом, к стене, а не под окно. Над столом Журналист развесил фотографии и какие-то распечатки, перетянутые нитями в стиле «Игра разума». Мишка знала, что работать с такими системами неудобно – Журналист наверняка создал это панно только для того, чтобы его рабочее место выглядело попредставительнее. К тому же, судя по паре фотографий с друзьями, когда к нему приходили гости, время они проводили в этой же комнате, а значит, панно служило еще и понтом для знакомых.

Приглядевшись к одной из фотографий, Мишка заметила, что некоторые распечатки на стене аккуратно размыты в фотопопе. Это было сделано очень неявно, и Мишка решила, что это не мистификация, а вполне серьезный журналистский профессионализм. Журналисту не хотелось, чтобы случайные подписчицы, а их у него было больше тысячи, знали, чем именно он занимается. Значит, потенциальные интересные изображения на панно видели только гости Журналиста. Почти со стопроцентной вероятностью Журналиста убили из-за его профессиональной деятельности, а это означало, что все, кто бывал у него в гостях, представляли интерес для следствия.

Мишка выделила десяток лиц, наскринила фотографии, сложила в отдельную папку. Это были люди, которые появлялись на снимках с панно в последние две недели.

Мишка была уверена: то, что привело к смерти Журналиста, случилось недавно. Конечно, нельзя было знать точно, фотографирует ли Журналист всех, кто приходит к нему в гости, но начать можно было с тех, чье присутствие в квартире было неоспоримо.

– Не доставать. – К Мишке подошел усатый полицейский. Она кивнула, взяла из его рук пластиковый пакет с черным браслетом внутри. Конечно, для того чтобы гарантировать, что это был точно такой же браслет, как тот, который она нашла в Москве, нужно было натереть черную поверхность воском или помадой и посмотреть, проступит ли на ней заштрихованный круг, но никаких сомнений у Мишки не возникло. Она смотрела на пропуск, которым пользовались ишедшие из Обители.

Мишка вернула усатому пакет и наконец посмотрела прямо на его усы. В Москве дядя Сережа никогда не носил усов, и Мишка не могла сказать, что они ему идут.

– Усы, – сказал дядя Сережа, – украшение для мужчины.

– Ага, – сказала Мишка, – тебе идут.

– Спасибо. – Дядя Сережа облегченно вздохнул.

– Мне нужно попасть в квартиру. – Мишка показала дяде фотографию из инстаграма. – И в офис.

Дядя кивнул, потом покачал головой.

– Мы не в Москве, – сказал он. – Я здесь еще не обжился, и договариваться о твоём присутствии не так просто. – Заметив, как Мишка насупилась, он быстро добавил: – Но я очень постараюсь! И обязательно пришлю тебе фотографии, когда сам туда поеду.

– Отлично. – Мишка покрутила крестик на запястье. – Значит, так. Мы ищем высокого, может быть метр восемьдесят пять – метр девяносто, мужчину. Худого, но очень сильного. Наше у него может быть татуировка – черный заштрихованный круг.

Дядя не стал задавать ей вопросов, и Мишка даже немного расстроилась. Она привыкла, что дядя хвалит ее за дедукцию. Но дядя был не слишком похож на себя – и не только из-за усов. В Питере он как будто стал чуть ниже ростом. Кроме того, Мишке совсем не понравилось то, как он заискивает перед старшим. В Москве дядя Сережа всегда держал себя очень независимо, даже с теми, кто мог прямо повлиять на его карьеру.

Раз уж дядя про нее не спросил, Мишка проговорила свою дедукцию про себя. Вывод про рост Мишка сделала на основании того, как убийца схватился за перила, – всего в одном месте и широко расставив руки. Судя по отпечаткам, ровным, не смазанным, он не перебрался через перила, как это сделала она, а перепрыгнул их. То, как широко схватился за перила убийца, указывало на рост, а при таком росте даже худой человек должен был бы обладать недюжинной силой, чтобы перекинуть себя через перила. Тучному это бы точно не удалось, к тому же он вряд ли смог бы так войти в воду, чтобы успешно всплыть, – до ее поверхности было добрых семь метров. Учитывая температуру воды, чтобы выплыть после такого прыжка, убийце нужно было обладать мощными физическими данными.

Мишка попыталась представить себе этого человека; он вышел очень похожим на убийцу, которого она ловила летом. Только тот толкнул девушку под поезд метро, а этот разрубил мужчину топором.

Человек, о котором думала Мишка, молился. В комнате было очень холодно, и его голая спина покрылась мурашками, но он не обращал на температуру внимания. Внешний мир, все, что происходило вне его тела, его не интересовали – и его молитва была обращена внутрь, к сердцу, которое билось слишком быстро и слишком неровно.

Если бы человек говорил, то, возможно, он сказал бы молитву, слышанную от отца в детстве:

*Милосердный Боже, Отче, Сыне и Святой душе, отпусти тело раба
презренного Твоего и разомкни узлы сердца раба Твоего...*

Но человек молчал. Его молитва состояла не из слов, а из плавного расслабления мышц, которые за день успели одеревенеть и теперь гудели, словно натянутые струны. Человек ощущал свое тело как сеть кровеносных сосудов, забитых сгустками, которые нужно было пробить, – и по одному, осторожно и планомерно, он очищал свои вены и артерии от этих сгустков. Сначала замедлил сердце, чтобы перестали кровоточить губы и обкусанные пальцы. Когда сердце отозвалось гулко, как бой часов, взялся за руки. Левая дернулась и обвисла, стала похожей на руку покойника. Правая поддавалась труднее, потому что плечо зудело от удара об воду, – но человек позволил боли раствориться в коже, и правая рука тоже упала на пол. Дальше – ноги. Самое яркое чувство сжимало левый мизинец – человек дал мизинцу распрямиться так, что боль стала острой, пробила всю стопу и ушла в пол. Потом поднял внимание выше, к щиколотке, которая тоже саднила. Представил себе узел из жил, стягивающий толстую вену, медленно его развязал. Кровь побежала к сердцу, слилась с ритмом часов глубоко между легкими. В легкие смотреть было рано – их человек всегда оставлял на самый конец молитвы.

Он вдруг заметил собственное дыхание. Это означало, что молитва идет слишком медленно – горло занемело раньше, чем он успел разобраться с ногами. Человек сглотнул и издал тихий булькающий рык – горло, как домашний суп, нужно было держать на легком огне, пока все остальное тело приходило в готовность. А ноги тем временем тоже опали. Синяки на коленях ушли вглубь мышц, втянулись в жирные вены – эта боль тоже потекла к груди. Человек все еще видел синяки, но он больше их не чувствовал. Наконец, резко отдавшись в спину,

растянулись мышцы таза, и человек упал назад, ударился затылком об пол. Закрыв глаза – все чувства теперь сжались в груди и затылке. Представил, как выскребает себе затылок, вычищает боль и стряхивает ее на паркет. Когда единственный сгусток остался в легких и сердце, человек глубоко вдохнул, позволил кислороду пропитать пористые ткани и легким движением в груди заставил свой организм сжать всю боль, выплеснуть ее через горло. Дернулись связки, чуть шелохнулся язык, и человек потерял сознание. На полу осталась пустая оболочка – душа человека на время перенеслась на то, что отец в детстве называл «небом».

Солнце уже забралось довольно высоко, но его все еще скрывали низкие облака, и на набережной было прохладно. Вера ждала Мишку с другой стороны желтой ленты, потому что дядя Сережа, еще когда они ехали в поезде, написал, что на мост пустят только Мишку. Вера ежилась на холодном ветру и прохаживалась туда-сюда, чтобы не замерзнуть совсем. Собираясь в Москве, она слишком глубоко запихнула в рюкзак теплую кофту.

В руке у Веры светился телефон, из которого она только что извлекла адрес эйр-би-эн-би, в котором они с Мишкой должны были расположиться в том случае, если расследование затянется на несколько дней. Вера посмотрела на толпу полицейских, потом себе под ноги. Ей хотелось найти какую-нибудь важную улику, но никаких важных улик на асфальте не было.

От толпы наконец отделился красный кубик. Он быстро проскочил под лентой и подошел к Вере.

– Ну что? – спросила Вера, кивая в сторону набережной. Ей хотелось поскорее уйти от полицейских.

– Мрачно, – сказала Мишка. Она жила с Верой уже несколько месяцев, но все еще никак не могла привыкнуть к тому, что с соседкой нельзя разговаривать как с подозреваемой или свидетельницей. Было странно делиться со «случайным» человеком информацией о расследовании и тем более было странно, что этому «случайному» человеку информация интересна.

– Расскажи. – Вера толкнула Мишку локтем. Они поднялись по трем ступенькам на троуар у парапета и пошли вверх по каналу, в сторону невысокой церкви, обрамленной парковыми деревьями.

– Журналиста... – Мишка запнулась, посмотрела на Веру. Она еще ни разу не описывала соседке детали такого жестокого преступления.

– Чего? – спросила Вера.

– Ты говорила, – сказала Мишка, – что бывают темы, на которые тебе некомфортно разговаривать. Это такая тема?

– В смысле? – спросила Вера. – Убийство?

Мишка кивнула.

– Не знаю, – сказала Вера. – Нет? Не знаю.

Они помолчали. По улице уже давно шли люди и ехали машины, но Вере казалось, что все еще раннее утро. Время как будто замерло в тот момент, когда они вышли из такси на вокзале.

У церкви Мишка остановилась, чтобы перекреститься. Вера же, наоборот, отвернулась и скрестила руки на груди. Она все еще не могла привыкнуть к тому, что Мишка, не относя себя к православной церкви, все равно почитает православные храмы. Если с христианством в принципе Вера еще могла как-то смириться, то к РПЦ она относилась плохо и православные церкви считала просто торговыми ларьками. Мишкино объяснение, что Бога можно видеть в любом знаке, ее не устраивало, потому что по такой логике Мишка могла бы креститься на мусорные баки или замерзшие лужи под ногами.

Мишка смотрела на маленькую церковь с удовольствием. Если бы она была одна, то обязательно произнесла бы молитву или, скорее всего, перешла бы улицу и зашла в церковь, чтобы

поставить свечку за бабушку. Но с Верой она старалась лишний раз не поднимать тему религии – знала, что соседке эти разговоры неприятны.

– Идем. – Мишка взяла Веру за рукав. – Давай я тебе расскажу про убийство, а ты скажешь, если будет некомфортно, и я тогда перестану, хорошо?

Вера кивнула.

– Кто-то, – Мишка нарисовала в воздухе круг, – убивает Журналиста. Почему?

– Почему? – спросила Вера.

– Одно из двух, – сказала Мишка. – Или потому, что Журналист как-то связан с убийцей, или потому, что он расследует что-то связанное с убийцей. В принципе, мотивов для убийств бывает множество, но рядом с трупом убийца демонстративно бросил браслет, который я уже связывала с определенной преступной организацией. Вряд ли Журналиста убили по какой-то не относящейся к этой организации причине.

Вера кивнула. Мишка отпустила ее руку, поправила крестик на запястье.

– Я не знаю, состоял ли Журналист в этой организации, – сказала она, – но у него не было татуировки на шее, которую я видела у всех известных мне членов. Это первое, что проверил у трупа дядя Сережа.

Мишка покачала головой и скривилась, как будто пытается раскусить что-то твердое. Вере всегда очень нравилось наблюдать за тем, как меняется лицо соседки за работой.

– Допустим, Журналист не член организации, не сектант, – сказала наконец Мишка. – Как бы он ни был связан с сектой, которую ее же собственные последователи называют Обителю, самый простой мотив для убийства – информация о секте, которую Журналист узнал. Неважно, по профессиональной линии или через личные связи.

– Какие у него могут быть личные связи с сектой? – спросила Вера. – Это как?

– Через наркотики, – сказала Мишка. – Он мог покупать таблетки у сектантов. Важно другое. У любой информации всегда есть источник. Я никогда и нигде не видела текстовых упоминаний Обители. Я практически уверена, что единственный способ узнать что-то об Обители – поговорить с сектантом. Таким образом, получаем Сектанта номер один – человека, который сообщил Журналисту, возможно через третьи руки, какую-то опасную для Обители информацию.

– Зачем бы он это сделал? – спросила Вера.

– Он или она, – поправила Мишка. – Они могли сделать это случайно, или не подумав, или находясь под воздействием наркотиков. Или Журналист мог что-то подслушать или подглядеть.

– Так, – сказала Вера. – И наш убийца и есть этот Сектант номер один.

– Нет, – сказала Мишка. – Убийца – это Сектант номер два. Он оставил рядом с трупом браслет, чтобы послать кому-то знак, что-то вроде черной метки из «Острова сокровищ». Я уже видела такое в Москве. Зачем бы убийца стал так делать, если бы он сам же и был «утечкой» информации? Нет, мы имеем дело с двумя Сектантами. Один слил информацию об Обители, а второй уничтожил источник слива. Что это значит?

– Что? – спросила Вера.

– Это значит, – Мишка щелкнула пальцами, – что от Журналиста идут аж две информационные линии. Одна к первому Сектанту и одна ко второму. Кто-то сообщил ему информацию, из-за которой его убили. И кто-то узнал о том, что Журналист обладает этой информацией. Мой опыт показывает, что в том случае, когда жертва находится между двух преступников, убийство раскрыть гораздо проще.

– У тебя большой опыт таких убийств? – спросила Вера.

Мишка показала рукой «чуть-чуть», надеясь, что Вера не станет ее дальше расспрашивать. Ей не хотелось ни врать соседке, ни рассказывать обо всех преступлениях, которые ей

довелось расследовать. Мишка не была уверена, что Вера до конца понимает, насколько взаимодействие с убийцами – обыкновенная часть ее жизни.

У очередного моста Вера осторожно взяла Мишку под локоть. Они повернули на мост, перешли его и оказались у съезда с площади, застроенной киосками и трамвайными остановками.

– Идем завтракать, – сказала Вера. – Потом можно закинуться в квартиру. Я бы поспала немного.

Мишка кивнула. Спать она не собиралась, но ей очень хотелось принять душ и подготовиться к длинному первому дню расследования.

Глава третья

Уйдя от костра, Ева пошла искать Юлика. Сначала посмотрела у грузовика, но там было пусто. Даже забралась в кузов, потому что водитель иногда спал в машине, но и в кузове ничего не было. Ева прыгнула на землю, огляделась, надеясь, что ее никто не заметил, и пошла к дому. Проверила кухню – там как раз начали мыть посуду. Толстая сестра с угрюмым лицом передавала тарелки смуглой сестре с длинной косой, а та, сполоснув их, переставляла на стол к Злате, самой доброй из старших сестер, которая протирала тарелки полотенцем. Еще слева по полу ползала дурная – она терла доски тряпкой, выскребала из трещин труху и часто замирала, капая слюной на пол, как будто воды из ведра ей было недостаточно.

Ева уже хотела убежать дальше, к мастерской, но тут на кухню вошла жена Юлика. Лицо у нее было вечно злое и напряженное, как будто ей в пятки вбили гвозди с локоть и надо терпеть.

– Твой приехал? – спросила толстая сестра, вытирая грязной рукой лоб. У нее на волосах остался зеленый обрезок, кажется, капусты.

Жена Юлика кивнула, пнула, проходя, дурную. Та, ойкнув, отползла в угол и стала мыть пол там, хотя даже от окна Еве было видно, что пол в углу уже чистый.

– Что привез? – спросила Злата. Она опустила очередную тарелку, и та приятно звякнула о соседку.

– Побьешь, – сказала жена Юлика, вставая рядом со Златой. – Давай я.

Она была старше остальных сестер всего на пару лет, но все они считали ее совсем взрослой и завидовали. Она была замужем за Юликом уже второй год, а так и не родила еще собственного ребенка. Сестры же – каждая – уже рожали по разу или два. У смуглой сестры детей было даже трое – во вторую беременность она принесла двойню.

Злата отступила от стола, подошла к дурной и хотела забрать у нее тряпку, но та сразу скривила мордочку, приготовилась плакать. Тогда Злата опустилась рядом на пол, стала помогать.

– Иди уже, – шикнула на нее смуглая. – Весь день здесь была. Уходи.

Сестры Злату не любили, не любили даже больше, чем дурную, потому что Злата была отцовской любимицей. Другая бы на ее месте загордилась, а Злата никогда на сестер отцу не жаловалась, своего сына вперед не выставляла и вела себя тихо. И все равно было в ней что-то неприятное, как будто она на сестер смотрела даже не сверху вниз, а как бы со стороны. А Ева теперь смотрела со стороны, через окно, на Злату.

Та встала с пола, вышла на улицу. Сестры ей вслед не смотрели, занимались своими делами – только жена Юлика двинула челюстью, разве что не сплюнула вслед ушедшей.

Ева обошла дом и чуть не столкнулась со Златой, которая остановилась у дверей кухни и поправляла платок. На кухне сестры ходили простоволосые, но на улице, особенно вблизи молельни, голову полагалось покрывать.

– Чего бегаешь? – спросила Злата. – Кого поджидаешь? Дурную?

Дурная часто играла с детьми, когда не мыла полы или чистила картошку. Ева помотала головой, показала рукой у лица.

– Играю.

Злата улыбнулась, провела по Евиным волосам ладонью и пошла к лесу. Ева же остановилась в нерешительности. С одной стороны, ей все еще надо было найти Юлика и спросить про сестру. А с другой – Злате в лесу в сумерках делать было нечего, и Еве очень хотелось пойти за ней следом.

Ева повернулась к молельне, спросила помощи у креста. На улице никого не было, поэтому она быстро перекрестилась, спрятала сразу же руку в карман. Постояла еще несколько секунд и побежала за Златой.

– Ты думаешь, что убийство как-то связано с этой Осой? – спросила Вера. Она уже допила свой латте и теперь наблюдала за тем, как Мишка с удовольствием доедает третью тарелку сырников. Пока они искали кафе, которое за время Вериного отсутствия в Питере успело дважды сменить адрес, Мишка рассказала ей некоторые детали своего летнего расследования.

– Думаю, – сказала Мишка, опуская на секунду вилку, чтобы пододвинуть поближе стакан с апельсиновым соком. – Не знаю. Но в секте обычно все между собой знакомы. Это может быть пара десятков, ну, может быть, сотня людей. Единственное значимое событие, связанное с Обителью, о котором я что-то знаю, – летние убийства. С большой вероятностью нынешнее убийство является их продолжением. Оса собиралась покинуть секту, забрав оттуда какую-то «милую». Может быть, это она вышла на Журналиста, чтобы предать секту огласке и заставить их отпустить свою «милую».

– «Милая» – это как «соседка»? – спросила Вера.

– Не знаю, – сказала Мишка. – Думаю, скорее сестра или просто младшая девочка, за которой Оса ухаживала. Если бы Оса была чуть постарше, могла бы быть дочь, но я не уверена, что у двадцатилетней девушки может быть дочь, умеющая читать. Хотя исключать нельзя...

Вера содрогнулась. Она попыталась представить себе, каково это было бы – жить сейчас с пяти-шестилетним ребенком. Это бы означало, что она его родила около четырнадцати. В принципе, не невозможно, но думать об этом было страшно.

Хотя Вера подумала, что они с Мишкой могли бы отлично воспитать ребенка. Квартира в Москве была большая, у самого метро. Во дворе дома, прямо под окном, раскинулась большая детская площадка, на которой они с Мишкой иногда сидели по ночам.

– Вер?

Вера поняла, что зависла, глядя в Мишкину пустую тарелку.

– Тебе поспать нужно, – сказала Мишка. – Поехали на квартиру. Там со сколько въезд?

Квартиру Вера нашла хорошую, всего в нескольких минутах ходьбы от полицейского участка, в котором работал дядя Сережа. Две большие комнаты, соединенные перешейком, в который выходили туалет, душ и кухня. Входная дверь располагалась прямо напротив кухонной двери, из-за чего складывалось ощущение, что Мишка и Вера въезжают не в квартиру, а в сдвоенный блок общежития – две отдельные комнаты, с общим санузелом и кухней. Кровать, правда, в квартире была всего одна – в левой комнате. Вера сразу на нее плюхнулась, а Мишка подобрала с пола брошенный Верой рюкзак и стала раскладывать вещи по полочкам в высоком шкафу, который из-за узкой аркообразной крышки напомнил ей гроб.

– Я ложиться не буду. – Мишка кинула на нижнюю полку упаковку тампонов и пластиковую коробочку с Вериной чашей. – Сейчас душ приму и пойду разгребать статьи убитого. Хорошо?

Она обернулась и увидела, что Вера спит, свесив с кровати ноги. Она даже не успела снять ботинки. Мишка хмыкнула, доразложила вещи и перешла во вторую комнату, утаскивая за собой опустевший рюкзак.

Столов во второй комнате было три, видимо, чтобы компенсировать их отсутствие в спальне. Один, судя по скатерти, предназначался для еды. Это был советский складной стол, разложенный наполовину. Сложенной стороной он утыкался в стену, увешанную картинками лошадей в позолоченных рамках.

Второй стол подпирал подоконник. Это был обычный офисный прямоугольник, сделанный из смеси черного пластика и депрессии. Третий стол занимал дальний угол – большой и круглый, он напомнил Мишке стол для игры в бридж, который она видела в сериале «Стальные кольца». Посреди этого стола стояла маленькая фиолетовая ваза. Из вазы торчали две засохшие фиалки.

Мужчина, который пустил Мишку и Веру в квартиру, предупредил их, что цветы выкидывать нельзя, и сразу ушел, оставив на вешалке ключ, поэтому Мишка подошла рассмотреть букет поближе. Фиалки на поверку оказались искусственными – оставалось только гадать, почему кто-то решил смастерить такие хиленькие цветы.

Сидеть спиной к комнате Мишке не хотелось, поэтому ноутбук она разложила на советском столе, к которому можно было подойти с трех сторон. У нее за спиной оказался застекленный шкаф, в котором уютными рядами стояли фарфоровые козочки. Вся эта обстановка Мишку очень успокаивала – она не то чтобы напоминала бабушкину квартиру, но в ней несомненно тоже когда-то обитал какой-то мощный организм, которому в двухкомнатной квартире было очень тесно, и поэтому он выплеснул всю свою энергию в подбор и расстановку мебели. Не хватало только иконы – но Мишка, конечно, приехала не с пустыми руками. В кошельке у нее был маленький образ с распятием, вырезанный из титановой пластинки, подарок за одно сентябрьское расследование. Христос с вымученным лицом и телом, вывернутым практически буквой Z, Мишке очень нравился. Она поставила пластинку к стене, и та почти слилась с серыми обоями – Мишка понадеялась, что здесь образ не будет слишком раздражать Веру.

В ноутбуке Мишка сразу перешла на сайт газеты, в которую писал Журналист. В поезде она успела просмотреть заголовки его статей, но теперь нужно было ознакомиться с их содержанием поближе.

Каждую статью она прочитывала дважды. Сначала бегло, сканируя на предмет упоминания, во-первых, просто знакомых слов – «Обитель», «Двоица», «браслет», – а во-вторых, общих тематических концептов: бизнеса по торговле наркотиками, христианских сект, заказных убийств. Это упражнение было необязательным, потому что у Мишки был бот, который мог прочесть тексты гораздо внимательнее, – но оно хорошо настраивало на рабочий лад, а главное, давало передышку между более сложными и вдумчивыми прочтениями, во время которых Мишка старалась разобраться в том, как в голове у Журналиста располагались разные информационные и эмоциональные архивы. Она следила за тем, какие сравнения он использует и как находит схожие материалы или истории, какие темы выделяет в любой истории и как каждая отдельная тема реализует его словарный запас. Хорошее понимание этого аспекта устройства мозгов убитого должно было помочь восстановить порядок его действий при жизни. Мишка хотела понять, как бы этот человек повел себя, если бы вдруг узнал какую-то настоящую «тайну», что бы он сделал, если бы считал, что ему угрожает опасность, и к кому бы он обратился за помощью или поддержкой. Было бы очень здорово, если бы оказалось, что перед смертью Журналист успел поделиться своими трудами с коллегой или другом.

Чем дольше Мишка читала, тем больше убеждалась: если бы Журналист узнал что-то важное, он бы не стал никому об этом рассказывать. В его текстах, во-первых, сквозило недоверие к миру, людям, коллегам и структурам власти. Он был практически профессиональным конспирологом. А во-вторых, Мишка видела работу очень быстрого ума, которому несвойственно планировать, потому что ему все время кажется, что за каждым углом его поджидает опасность. Этот человек вряд ли стал бы рассказывать кому-то про свою работу специально, потому что не видел в этом никакого смысла, и не проговорился бы случайно, потому что в любой «случайной» ситуации его мозг перекрывал любые коммуникативные способности. Мишка представляла себе веселого парня, немного снисходительно разговаривающего с друзьями, который все время ощущал значимость собственной работы и опасался, что кто-то может попытаться забрать ее себе. Любую информацию он должен был хранить в тайне до того момента, пока она не выходила онлайн под его фамилией.

Мишка понимала, что гоняет свой мозг вхолостую. Все, что она могла получить из статей, было бы гораздо проще разузнать в квартире Журналиста, но дядя Сережа пока не написал,

а значит, нужно было готовиться к тому, что попасть в квартиру не удастся. Это усложняло расследование.

У Мишки, конечно, была еще одна запасенная улика. В телефоне хранился номер, по которому она в свое время разговаривала с Осой, но звонить ей сразу было неправильно, потому что, если она как-то связана с убийством, Мишка не хотела бы пока сообщать ей о своем участии в расследовании. Сначала нужно было понять, на какой стороне конфликта выступает Оса. Ведь она могла быть как Сектанткой номер один, так и сообщницей Сектанта номер два. Или вообще никак не связанной с этим убийством. Мишка вздохнула и потянулась к телефону. Нужно было позвонить дяде Сереже, узнать, не прояснился ли вопрос с квартирой, а потом сходить в душ и сварить кофе, иначе она рисковала заснуть прямо за столом.

После душа Мишка заглянула к Вере, удостоверилась, что та крепко спит, и осторожно закрыла дверь в спальню. Запах кофе всегда будил Веру в Москве, а Мишке хотелось, чтобы соседка получше выспалась. Дядя Сережа сказал, что в квартиру можно будет войти около полуночи, а это означало очередную бессонную ночь. Сама Мишка не слишком переживала из-за недосыпа. Она умела растягивать свои энергетические запасы на неопределенный срок, погружаясь в подобие транса на время рутинных занятий вроде чтения статей или просмотра фотографий с места преступления. В такие моменты все фоновые процессы ее организма как будто гасли и мозг работал вполсилы, выполняя только самую необходимую работу.

А спать до вечера было нельзя, потому что дядя Сережа не только сумел получить разрешение на посещение квартиры Журналиста для Мишки и Веры, но еще пообещал прислать пароли Журналиста от инстаграма, «Лабиринта» и вконтакте, которые полиции как раз удалось раздобыть, вскрыв его мобильный.

Мишка поставила чайник, нашла в шкафу обещанную хозяином квартиры банку растворимого кофе. Телефон завибрировал паролями, когда чайник уже вскипел. Мишка налила кипятка в фарфоровую чашку с золотой каймой и вернулась в комнату со столами, чтобы спокойно погрузиться в социальные сети Журналиста. Где-то там мог прятаться Сектант номер один. Или даже Сектант номер два.

Сектант номер два, человек с татуировкой на шее, нигде не прятался. Он сидел на полу у открытой балконной двери и пялился в черный прямоугольник мобильного телефона. Его оболочка – черная кожа пальто и серая кожа штанов – валялась кучей там, где он ее сбросил, войдя в квартиру. Там же он стянул с себя проволоку.

В телефоне было два прямоугольника. Черный, с ровными белыми строчками, и белый, с черными одинокими буквами. В черном прямоугольнике пять минут назад возникло новое предложение, и теперь человек ждал, пока в белом прямоугольнике появится отцовское благословение.

Телефон лежал на полу, прижимал к доскам перемотанный скотчем провод, убегающий к стене. Человек старался к телефону не прикасаться – только иногда проводил пальцем по экрану так, чтобы черный прямоугольник сменился белым, ждал, пока на экране загорится новая буква.

Буквы всегда были одинаковые. Если в черном прямоугольнике загорались место, время и образ, то почти сразу в белом прямоугольнике отец проявлял букву «Г» с чертой, указывающей на ее числительное значение. Такая буква-цифра, троица, о которой человек должен был помнить, собираясь на свои испытания. Ибо, как говорил отец, у пахаря на каждом плече по ангелу, и каждый ангел наущен Отцом, Сыном и Духом.

Человек уже давно не ощущал себя пахарем и не чувствовал на плечах ангелов. Когда-то, когда он только вышел из Обители и ездил по городам, ему казалось, что он ходит по ветреному белому полю, срубая черные колосья, возникающие за спиной каждый раз, когда он поворачи-

чивался на новую сторону. Такое поле рисовала ему Баба в детстве, и о таком поле рассказывал отец. Черные, гнилые колосья вырастали среди обычных золотых, словно черви, которые иногда заводились в желудках у отцовских коров, выгрызали себе путь наружу через розовые волосатые вымена и свисали между волос черными нитями. Оставлять их было нельзя, потому что поле было не бесконечное и колосьев на нем было не море – а лишь несколько, отложенное число.

Потом поле пропало. Человек и сам не заметил, как это произошло. Просто иногда в черном прямоугольнике ему писали место, время и описание нового гнилого колоска, а потом в белом прямоугольнике отец давал благословение, и тогда человек одевался, и шел туда, где качался гнилой колосок, и срубал его под корень. Он не видел колосков или поля, потому что колоски и поле за него видели другие, – ему же нужно было только идти, и косить, и ждать, когда снова появится буква в белом прямоугольнике.

И вот она появилась. Обычная «Г» с чертой, обозначающая «троицу». Человек поднялся, пробегаая при этом пальцами обеих рук по своим бедрам. Идти дальше с кровоточащей кожей было нельзя, нужно было проверить, что швы не раскроются. Не замечал человек только кровь на губах и в горле – к ней он давно привык.

На левом локте норовил разойтись порез, но человек пережал его пальцем, смазал клеем из чашки. Потом стал разворачивать проволоку – пора было идти.

Мишка заглянула к Вере около одиннадцати. Соседка спала, свернувшись калачиком. Она так и не сняла ботинки. Несколько секунд Мишка просто смотрела на нее, а потом подошла к кровати, забралась на матрас и поднесла к Вериному носу чашку, которую принесла с кухни. Почти сразу соседка моргнула, и Мишка поскорее убрала чашку, чтобы Вера, просыпаясь, ее не расплескала.

– Сколько времени? – спросила Вера, переворачиваясь на спину.

– Без пяти одиннадцать, – сказала Мишка. – Вечера.

Вера закатила глаза и вытянула руки над головой, будто пытаясь соскрести обои над кроватью.

– Нам разрешили съездить на квартиру к Журналисту, – сказала Мишка. – Нужно собираться и выходить. Есть еда на кухне.

Перед тем как разбудить Веру, она сходила в магазин и вернулась с пакетом апельсинов и хлеба. Больше ничего ей в голову не пришло, потому что за еду в Москве обычно отвечала Вера. Сама по себе Мишка ела то, что попадалось под руку.

– Мне нужно в душ сходить, – сказала Вера. – И переодеться.

– Хорошо. – Мишка слезла с кровати, но Вера рывком села, протянула к ней руки.

– Кофе отдай, – сказала она. – Я сейчас приду.

Кроме дяди Сережи, в квартире ждали еще трое: молодой полицейский, явно оставленный начальством приглядывать за московскими гостями, и двое мужчин в одинаковых оклопорттивных теплых костюмах, в которых Мишка сразу узнала федералов. Стало понятно, каким образом дяде Сереже удалось получить разрешение не только для Мишки, но и для Веры, – он договаривался не с новым питерским начальством, а со старыми московскими знакомыми, а они уже могли с питерцами не договариваться.

Одного из костюмированных Мишка даже видела раньше – он брал у нее показания после летнего взрыва, в котором погиб обительский сектант.

– Мириам Борисовна, – федерал протянул Мишке ладонь, – квартира в вашем распоряжении.

Мишка пожала руку своей левой, представила федералов Вере. Она видела, что соседка чувствует себя не очень комфортно, но поделать с этим ничего было нельзя. Никто бы не

дал ей осматривать квартиру убитого без надзора. Оставалось радоваться, что начальник дяди Сережи решил не приезжать на этот обыск сам, видимо, чтобы не находиться в орбите более высокопоставленных чинов.

– Мы начнем с офиса, – сказала Мишка. – Проводите?

В офисе Журналиста было неубрано. В глаза сразу бросалась разбросанная по полу одежда, пустые и смятые банки, две открытые бутылки пива. У стены стоял широкий стол, почти весь заставленный такими же банками и бутылками, обрамляющими черную затертую клавиатуру и огромный монитор. На стене за ним располагалось панно, с которого Мишка и собиралась начать осмотр.

– Как пароли достали? – спросила она у дяди Сережи, который, войдя за ней в офис, сразу же слился с косым торшером, занимавшим один из свободных углов комнаты.

– Телефон через отпечаток пальца открыли, – сказал дядя Сережа. – А там было одно общее приложение с паролями. Код четырехзначный, но я подобрал.

– Двадцать два двадцать девять или девятнадцать шестьдесят два? – спросила Мишка. Еще днем, разбирая социальные сети Журналиста, она составила список всех возможных чисел и комбинаций цифр, которые могли играть важную роль в жизни этого человека. Четырехзначных среди них было около двадцати, но большинство он бы побоялся использовать как код – человек конспирологического склада ума вряд ли поставил бы себе кодом год своего рождения или цифры из собственного телефонного номера.

– Двадцать два двадцать девять, – сказал дядя Сережа. Мишка сама в свое время научила его подбирать такие числа, но он все равно поразился тому, как легко она угадала код, над которым он думал несколько часов.

– Как ты узнала? – спросила Вера, беря Мишку за рукав. Мишка подвела ее к панно, указала на одну из распечаток. Это был мелкий, стилизованный под печатную машинку текст Конституции.

– Статьи двадцать два и двадцать девять. – Мишка указала сначала на строчку «Свобода личности», потом на строчку «Свобода мысли». – Он несколько разных статей начинал с цитат из Конституции, оба раза из этих абзацев.

– А что за второй вариант? – Вера надеялась, что, пока Мишка будет отвечать на вопрос, она успеет что-нибудь заметить на панно.

– Год рождения Джордана Питерсона, – сказала Мишка, тыкая в портрет бородатого мужчины, приклеенный к стене рядом с монитором. Вера перевела взгляд на портрет и тут же почувствовала по тому, как напряглось Мишкино плечо, что искать больше ничего не нужно.

– Это вы заметили? – спросила Мишка, обходя стол и протягивая руку к листку, прикрепленному в нижнем левом углу панно. Это был рисунок заштрихованного кружка, сделанный гелевой ручкой на салфетке. По краю салфетки шла надпись курсивом: «Кофе в день».

– Заметили, – ответил за дядю Сережу один из федералов. Он стоял у двери и внимательно следил за каждым Мишкиным движением.

– А это? – Мишка снова обошла стол и теперь указала на черно-белую фотографию, прикрепленную к стене кнопкой. Вера увидела семейный снимок – на фоне недостроенного дачного домика стояли трое: небритый мужчина, голый по пояс и сжимающий в руке лопату, строгая женщина в совершенно неуместной для дачи форме – черной юбке и белой рубашке, которая подчеркивала раздутый живот, и мальчик лет десяти, в такой же белой рубашке и светлых шортах. Все трое улыбались, хотя улыбка мужчины выглядела вымученной.

Фотография была старая и мятая, как будто ее долго носили в кошельке сложенной в четыре раза.

– Нет, что с ней? – Федерал подошел поближе, и дядя Сережа тоже отделился от стены, захотел взглянуть.

– Все эти распечатки к уже написанным статьям или к статьям, над которыми работали коллеги убитого, – сказала Мишка. – Вот та для текста про водораздел. Вот эта к выборам. Портрет Питерсона, Конституция, цитаты из «Американского психопата» и «Эгоистичного гена» – это личное. Остаются символ «Обители» на салфетке и фотография.

– Может, она тоже личная? – спросил федерал. Мишка протянула руку к фотографии, и федерал кивнул, показывая, что ее можно снять со стены. Мишка осторожно вытянула кнопку, отдала фотографию федералу. Тот покрутил ее в руках, хмыкнул.

– Это единственный лист, который не сделан специально для того, чтобы повесить его на эту стену, – сказала Мишка. – Не считая салфетки. Все, кроме портрета и двух фотографий вот там, распечатано на принтере. Он здесь есть, да?

Федерал кивнул.

– Фотография Питерсона вырезана из плаката, а те снимки распечатаны в студии, – сказала Мишка. – Эта же фотография проявлена вручную, в домашней лаборатории. К тому же она лет на двадцать старше всего, что здесь есть.

Федерал снова кивнул, стал разглядывать фотографию внимательнее. Вера вместо фотографии смотрела на Мишку. Она знала, что ее соседка совершенно гениальна, но ей ни разу до этого не приходилось наблюдать Мишку за взрослой работой в окружении взрослых людей.

– Делаю вывод, – сказала Мишка. – Фотография является уликой и относится к тому же проекту, что и салфетка с кружком. Кто-то встретился с убитым, передал ему фотографию и во время разговора сделал рисунок. Нужно найти кафе, проверить, нет ли у них камер, попробовать установить, с кем встречался Журналист. Думаю, что это произошло не больше недели назад, но, возможно, придется просмотреть записи за месяц.

Мишка забрала у федерала фотографию, достала телефон.

– Вы думаете, что тот, кто передал фотографию, совершил убийство? – спросил федерал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.